

В таёжном посёлке Хабайдак, родине Виталия, дома которого стояли среди тайги у подножья Кутурчинского Белогорья, одного из хребтов Восточного Саяна, жил опытный таёжник Николай Ковалёв, которого все величали только по отчеству — Савельевич. Получив от него письмо с приглашением, парень узнал, что в тайге зреет богатый урожай кедровой шишки, и поделился этой новостью с Валентином, своим другом и постоянным спутником в туристских походах, — знал, что он не бросит товарища в самой тяжёлой беде, поделится последней краюхой хлеба.

— А когда надо ехать? — заинтересовался тот.

— Обычно добывать разрешают с пятого сентября, но в тайге кто проверять будет? Савельевич приглашает приехать к первому сентября, чтобы успеть занять тайгу. Ты говорил, что хочешь добыть кедрового орешка на шелканку. Не передумал?

— Не передумал, давно хочу пожить в таёжной избушке, своими руками добыть кедрового орешка!

Друзья тщательно подготовились к поездке: закупили тушёнки, других консервов, круп, вермишели, концентратов каш, родители Виталия засушили сухарей, мать сшила из мешковины два больших пятиведёрных мешка, на которые отец, дважды добывавший орехи с Николаем Савельевичем, привязал длинные крепкие вязки. — Для чего такие длинные? — удивился Виталий. — Савельевич в тайге тебе расскажет и покажет! — рассмеялся тот.

Отработав последний перед отпуском день, парни забрали в камере хранения завода «Красмаш» неподъёмные рюкзаки, помогли друг другу закинуть их на спину и через час сели в общий вагон поезда Красноярск — Абакан.

Быстро наступил вечер. Забросив рюкзаки на третью полку, улеглись на жёстких вагонных сиденьях и заснули под перестук колёс.

Сквозь сон Виталий услышал голос вагоновожатого:

— Ребята просыпайтесь, следующая станция — Мана!

Сев на лавке, сказал:

— Спасибо, я его разбужу, — и резко дёрнул Валентина за руку.

Тот, не открывая глаз, заворчал:

— Что случилось? Спать не даёшь!

— Вставай, приехали, следующая станция — Мана!

— Какая Мана? Только заснул, кончай шутить!

Чего пристал? Дай сон досмотреть! — стал отговариваться приятель.

— Валька кончай валять дурака, следующая станция — Мана. Нам выходить!

— Неужели так быстро доехали? А мне дивный сон снился, жалко, что не дал досмотреть, — сокрушался приятель, садясь на диване.

Когда поезд остановился на маленькой станции, друзья вышли из вагона в промозглый холод таёжной ночи. Воздух был напоён влагой, крыши пристанционных строений лоснились от выпавшей росы. Сказывалась близость Кутурчинского Белогорья с его вечным ледником на вершине. Но времени для оценки обстановки не было, пассажиры, выпрыгивая из вагонов, бежали за небольшое кирпичное здание станции, где стоял автобус. Втиснувшись в него, не обращая внимания на недовольное ворчание пассажиров, которых они потревожили своими рюкзаками, парни перевели дух. Единственный автобус подходил только к приходу поезда, идти пешком от станции до посёлка Хабайдак ночью, в промозглой тьме, пятнадцать километров им не хотелось. Здесь был тот самый принцип: лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Хозяева встретили гостей радушно. Савельевич долгое время работал начальником лесопункта Хабайдак, они с супругой Верой были крёстными родителями Виталия, дружили с его семьёй. Не прекратилась эта дружба и после отъезда в Красноярск. Его отец Фёдор дважды ходил в тайгу с Николаем добывать кедровый орех, привёз сначала восемь, потом десять мешков провеянного, прокалённого кедрового ореха. Семья жила бедно, и мать в выходные дни ходила торговать орехом к магазину, родители просили сына помочь, приносить ей сумки с орехом, чтобы она могла продать больше орешков.

Но Виталка отказался:

— Орехи носить не буду, ребята засмеют, будут дразнить барыгой! — и стоял на своём, несмотря на уговоры отца и матери.

— Вижу, ты не хочешь, чтобы мы купили тебе велосипед? — спросил отец, с улыбкой глядя на строптивного сына.

— Очень хочу! — мальчишка опешил от предложения отца, который угадал его заветное желание: ни у кого из ребят на улице Лалетинской не было велосипеда.

Придя в себя, он спросил:

— А когда купите?

— Как только мать с твоей помощью продаст весь орех, обещаю, что купим подростковый велосипед, — улыбнулся отец.

Боясь, что он передумает, мальчишка закричал:

— Согласен! А что надо делать?

— Будешь в выходные дни носить матери сумки с орехом к магазину.

Мальчишка знал, что отец слов на ветер не бросает, и добросовестно носил сумки с орешками, не обращая внимания на насмешки и обидные клички таких же, как он, уличных ребят.

Когда в кладовой остался один мешок с орехом, мать повела его в промтоварный магазин, где он выбрал себе подростковый велосипед с хромированным рулём, рамой и крыльями, окрашенными голубой краской. Уже вечером он, катаясь на новеньком велосипеде, несколько раз проехал по улице, с улыбкой видел завистливые взгляды сверстников, которые ещё утром обзывали его барыгой и смеялись, когда он нёс матери сумки с орехами. Сегодня смеявшиеся над ним мальчишки выстроились в очередь, просили дать прокатиться на велике. Накатавшись вдоволь, он простил своих сверстников и давал каждому прокатиться на новеньком велосипеде.

Повзрослев, через много лет они с Валентином собирались попробовать свои силы в добыче кедрового ореха, пожить в таёжной избушке, на себе испытать жизнь таёжника, набить по мешку ореха на щелканку.

Жена Савельича, Вера Фёдоровна, сухонькая, приветливая, хлопотала, расставляя нехитрые закуски. На столе, за которым сидели хозяин, его сын Николай и гости, появилась большая чугунная сковородка с шипевшим поджаренным свиным салом, лежали клубни отварного картофеля. Вокруг неё стояли чашки с солёными огурцами, квашеной капустой, сдобренной растительным маслом и колечками лука, тарелки с порезанным на кусочки солёным салом, большими ломтями чёрного душистого хлеба из поселковой пекарни.

В руках Савельича появилась большая бутылка зелёного стекла — четверть, из которой он разлил по половине стакана гостям и себе мутный вонючий самогон. Подняв стакан, сказал:

— Давайте выпьем за удачу, без неё таёжнику жить нельзя! Утром, чуть свет, пойдём искать незанятую тайгу. По посёлку идут слухи, что нынче хороший урожай шишки, народ из города валом валит! Надо

раньше пришлых уйти, занять таёжку с избушкой и начать бить шишку!

Когда все выпили, на него напустилась супруга: — Ты что, старый, совсем спятил? Ребята ночью приехали, дай им денёк отдохнуть. Вы поглядите на него, он уже утром в тайгу собрался! Креста на тебе нет!

— Молодые, не переломятся! С хилым здоровьем в тайге делать нечего, у таёжника день год кормит! — оборвал её хозяин.

— Мы хотели неделю пожить в таёжной избушке, добыть немного ореха на щелканку, — робко возразил Виталий.

— Жить будете дома и смотреть про тайгу в телевизоре! В тайге работать будете от зари до зари, добывать кедровой орех! Ешьте, пейте и не слушайте бабских разговоров. С рассветом выйдим! — отрезал хозяин, наливая в стаканы себе и гостям мутный самогон.

Когда приятная волна тепла и сытости раскатилась по телу гостей, он налил всем по глотку самогона.

— Выпьем — и спать, завтра с рассветом уходим, и не дай Бог кто увидит, боюсь сглаза! Вера! Ты мне дисциплину не разлагай, лучше помоги собраться, — рассмеявшись, обнял смутившуюся супругу.

В пять часов гостей разбудили. Под руководством Савельевича было пересмотрено и отсортировано содержимое их рюкзаков: убрали тёплую одежду в надежде, что до наступления холодов таёжники придут в посёлок, были оставлены банки тушёнки, стужёнки и другие консервы, концентраты, продукты, без которых нельзя было прожить в тайге. Раскладывая груз по рюкзакам и мешкам-загорбникам, Савельевич на глаз уравнивал вес поклажи, Витальке насыпали в сшитый матерью мешок три ведра картошки, и он приторочил его сверху уже неподъёмного рюкзака.

Савельевич, собираясь в тайгу, для себя и сына приготовил загорбные мешки, привязав концами вожжей в углах обычных мешков по клубню картофеля, горловина такого мешка сверху затягивалась петлёй, образуя лямки. В мешок Николая сложили продукты, консервные банки и до верха наполнили булками чёрного хлеба.

Хозяин нёс полный загорбник сухарей, круп, макаронных изделий, других съестных припасов для приготовления каш и супов. Валентину на рюкзак привязали двуручную пилу и топор, без которых невозможно было прожить в тайге и одного дня.

Крёстная мать перекрестила собранных в дорогу таёжников:

— Храни вас Бог и Святая Дева Мария! Счастливого пути!

Попрощавшись, они вышли из уютного домашнего тепла в промозглый утренний холод и туман. Спотыкаясь в предрассветных сумерках, скользья

на росной траве, через огород, минуя поселковую улицу, вышли из посёлка, скрывшись в тумане от постороннего взгляда, просёлочной дорогой пошли в сторону станции Мана.

Выйдя на железную дорогу, по мосту перешли на левый берег быстрой таёжной реки Мана, по старой, заросшей травой лесовозной дороге пошли в сторону заброшенного посёлка Ангул, где остались две жилые избы и доживали свой век старики, которым некуда было переехать.

Солнце, выглянувшее из-за вершин сопок, окружающих каньон реки, согрело воздух, его лучи разгоняли утренний туман, он поднимался вверх по склонам, кое-где цепляясь за ветви столетних пихт и елей, серыми пятнами лежал на таёжной зелени; осень вступала в свои права, и трава, потевшая яркую зелёную окраску, пожухла и легла на землю под ноги путников.

Савельевич остановился возле лежащего у обрыва толстого бревна, сбросив на землю мешок, сел на него.

— Привал ребята, мне уже шестьдесят, трижды ранен, полжизни в лесосеке отработал, надо отдохнуть. Осмотритесь кругом и запомните это место, здесь снимался фильм «Хозяин тайги». Помните, как начали сыпаться под обрыв брёвна из штабеля, когда его толкнул щитом трелёвочный трактор, в который заскочил продавец-ворюга из магазина посёлка Выезжий Лог? Золотухин, игравший роль участкового, лежал под обрывом, и на него сыпались брёвна, без малого не задавили, я присутствовал при этих съёмках, всё видел! — улыбнулся Савельевич.

Немного помолчав, продолжил:

— Киношники никакого понятия не имели в кубометрах и ценах на лес, попросили меня продать им строевой лес для съёмок. Я согласился. Завезли небольшой штабель брёвен, сложили на этом месте над обрывом, здесь они и снимали этот эпизод. Посчастливилось разговаривать с Золотухиным, с Владимиром Высоцким, слушал, как он пел свои песни под гитару у палатки на берегу Маны. Ниже по реке поставил рабочих с лодкой, они вылавливали сброшенный трактором-трелёвочником лес, плывший по реке, его после съёмки сложили в штабель, двойную выгоду получили! Это бревно на память оставили, чтобы люди не забывали о съёмках фильма в этом месте, на берегу нашей красавицы Маны! Не часто к нам приезжают знаменитые артисты фильмы снимать!

Парни не раз смотрели этот замечательный фильм, но не могли поверить, что перед ними сидит человек, присутствовавший при съёмках, видевший и разговаривавший с великими актёрами Высоцким и Золотухиным.

Первым в себя пришёл Виталька:

— Ты нас не перестаёшь удивлять, Савельевич! Тебя мы будем звать — бригадиром, этот псевдоним

как нельзя лучше тебе подходит. Расскажи, что интересного ещё было на съёмках.

— В другой раз. Отдохнули, идти пора, время не ждёт, — встал с бревна таёжник, давая понять, что привал окончен.

Парни помогли ему и друг другу впрячься в лямки мешков и рюкзаков и пошли следом за бригадиром.

Более часа таёжник вёл спутников вверх по течению Маны. Сентябрьское солнце, поднявшись над тайгой и сопками, грело по-летнему, но ни у кого не поворачивался язык попросить неутомимого ветерана сделать привал и отдохнуть.

Наконец он свернул на тропу, уходившую в один из горных распадков, по склонам которого росли высокие кедры. Парни с облегчением вздохнули, думая, что тяжёлый переход с неподъёмным грузом скоро закончится. Пройдя пару километров, путники с облегчением увидели избушку, стоявшую рядом с тропой на небольшой поляне среди стройного кедрача. В тайге стояла тишина, ничто не выдавало присутствия людей, и все облегчённо вздохнули. Когда до избушки осталось несколько шагов и каждый надеялся, что здесь их путь закончен, из тайги до слуха долетели гулкие удары колота.

Все слышали, как Савельевич выругался:

— Неужели принесла кого-то нелёгкая раньше нас?!

Ещё не веря, что тайгу незадолго до их прихода успели занять другие шишкарники, он быстрым шагом подошёл в избушке, следом шли парни.

Сомнений не осталось: тайга была занята. На потолке, под крышей, ровными рядами лежали банки тушёнки, другие консервы и продукты, стали слышны частые удары колота.

— Значит, не судьба! Не зря вас торопил, не расслабляйтесь, нам здесь нечего делать, в избушке другие хозяева успели поселиться. Пойдём скорей в другую тайгу, в Поляцкий лог! Будем тянуть время — и там займут!

— Бригадир, дай хоть десять минут отдохнуть, запалились все, скоро с ног падать будем, — подал голос Виталий.

— Пока будем разговоры говорить и отдыхать, все таёжки займут! Тропа пойдёт под уклон, в ходьбе вы и отдохнёте! — отрезал таёжник и зашагал по тропе, будучи уверен, что парни от него не отстанут, опасаясь заблудиться.

Больше полутора часов они шли за ним по горной тропе, петлявшей по склонам сопки, пока не увидели просторную избу, возле которой Савельевич, скинув на мох свой мешок, повернулся к спутникам:

— Отдыхайте, я оббегу тайгу, посмотрю урожай шишек!

Через минуту он исчез среди кедров.

Парни, смертельно уставшие от многокилометрового перехода, сторованные от зноя и жажды,

услышав звон ручья, сбросили рюкзаки, подбежали, упали на берегу протекавшего рядом с избушкой ручья. Черпая ладонями, жадно пили кристально чистую холодную воду, чувствуя, как возвращаются силы, выпаренные полуденным солнцем.

— Здоров наш бригадир! Пенсионер, три ранения, фронт, а он как лось по тайге бегает, нам за ним не угнаться! — растянувшись на изумрудно-зелёном мху, сказал Валентин.

— Есть ещё порох в пороховницах! — согласился Виталий, радуясь солнцу и отдыху, который оказался коротким.

Из тайги к ним подошёл Савельевич:

— Здесь нам делать нечего! Вставайте, пойдём дальше, в Ключки!

Парни молча впряглись в лямки тяжёлых рюкзаков, помогая друг другу закинуть их за спину, по тропе пошли в гору, преодолевая некрутой, но казавшийся бесконечным подъём. Шли, потеряв счёт времени. Сколько километров прошли и сколько осталось пройти, никто не знал. Наконец тайга поредела. Вышли на плоскую вершину, сплошь заросшую стройными высокими кедрками, ветки которых, росшие у самых вершин, были усыпаны гроздьями шишек.

Савельевич облегчённо вздохнул:

— Слава Богу, в Ключках есть что бить и никого нет, здесь будем жить и добывать орехи! Здесь мы с отцом Витальки две осени по десять кулей калёного ореха добывали! Ты помнишь, когда родители велосипед тебе купили?

Упарная, измотанного жарой и тридцатикиллометровым переходом с неподъёмным рюкзаком, хватило сил улыбнуться этим радостным детским воспоминаниям. С трудом переставляя ноги, он подошёл к избушке и сбросил опостылевший рюкзак.

Немного отдохнув, осматривая избушку, Виталий подумал: «Как можно жить в такой избе? В стенах сквозные дыры, жестяная печь во многих местах прогорела, крыша крыта корьём и половинками расколотых вдоль брёвен, в дырах, с потолка будет течь в дождливые дни...» — и высказал стоявшему рядом с ним бригадиру свои опасения.

Савельевич усмехнулся:

— Не сахарные, не размокнем и не угорим, изба как изба, много лет уют и ночлег таёжникам давала, в ней мы жили с твоим отцом, до самой зимы добывая орехи! Главное, чтобы тепло было, комары и гнус не досаждали, они не переносят запах дыма, нары просторные, для четверых места хватит. А крышу, если сильно потечёт, поправлять будем тем же корьём, деревьев кругом много, и дыры в стенах мхом заткнём при необходимости. Кончайте разговоры! Валентин разжигает костёр, варит чай, топит печь, сушит избушку, мы посмотрим кругом, может быть, колот найдём, бить попробуем!

Виталька с Николаем, под предводительством бригадира рассыпавшись редкой цепью, стали прочёсывать тайгу. Вскоре раздался голос Николая: — Идите ко мне! Я колот нашёл!

Витальке приходилось раньше видеть колот и даже бить им шишку на щелканку в Минской тайге. Но его поразил прислонённый к кедру, потемневший от времени несуразный деревянный молоток из толстой длинной жерди и прибитого к ней полуметрового отрезка ствола дерева, и он высказал сомнения:

— Разве с таким колотом можно работать?

Удивлённо посмотрев на него, бригадир сказал: — Попробуем бить, посмотрим, как шишка с ветвей сходить будет. Николай, бери колот!

Его сын поднял колот на плечо, подойдя к стволу кедра, поставил напротив заплывшей смолой проплешины, которую таёжники называют бойком, оттянув на себя, с силой толкнул к стволу. Раздался удар, дрожь по стволу пробежала к вершине, и она затряслась, на землю с высоты пятнадцати метров слетело несколько шишек.

— Ты что, сегодня не завтракал? Бей как следует! — скомандовал отец.

Николай сделал несколько ударов, но шишка в большинстве своём осталась висеть на ветках. — Слабак! Что за молодёжь нынче пошла — колотом ударить как следует не может. Виталька, пробуй ты!

Взяв колот, парень сказал:

— Боёк не отцентрирован! С таким колотом невозможно будет работать!

— Ты бей и меньше рассуждай! — стал сердиться бригадир.

Парень сделал несколько ударов, шишки сыпалось больше, но колот крутился в руках при ударе, приходилось тратить много сил, удерживая его в руках.

— Глаза бы на вас не смотрели! Дай колот, старый таёжник учить вас, желторотых таёжников, будет! — вспыхнул Савельевич.

Взвалив молоток, установил его у соседнего кедра и нанёс резкий удар. Но во время движения к кедру боёк повернулся в сторону от ствола, удар пришёлся скользком, и колот, вырвавшись из рук едва устоявшего таёжника, упал на мох.

— Нет! Это не инструмент, руки бы оторвать тому, кто его делал! Пошли в избушку, перекусим, пила и топор у нас есть, сделаем новый колот! — сказал обескураженный бригадир, поднимая и прислоняя найденный молоток к стволу оббитого кедра.

— А это ещё зачем? Кому он нужен? — удивился Виталий.

— В тайге всякое случается! Может быть, кому-то он жизнь спасёт, не даст помереть с голода! — рассудительно сказал Савельевич, направляясь к избе.

Возле неё пылал костёр, над языками огня висел котелок с густым ароматным чаем, Валентин

к заварке добавил веток брусничника и листьев и прутьев дикой чёрной смородины вылил банку сгущённого молока. Бригадир отрезал от большого куска по ломтю сала, от булки — по большому ломтю хлеба. Голодные парни, прошедшие с тяжёлыми рюкзаками более тридцати километров, с удовольствием уплетали бутерброды, запивая крепким сладким чаем; им казалось, что ничего вкуснее в жизни они не пробовали.

Как только был выпит последний глоток чая и дожёван последний кусочек бутерброда, Савельевич скомандовал:

— Николай готовит кашу на вечер, мы идём делать колот.

Двуручной пилой свалили толстую берёзу, отрезали от комля чурку метра полтора. Виталий предложил:

— Давайте шест немного наклоним, удобней будет бить и носить на плечах. А боёк надо подтесать, сделать плоским, чтобы безболезненно ложился на плечо.

Бригадир удивлённо посмотрел на него:

— Где ты такой колот видел?

— Два года назад с Валентином добывали орех на щелканку в Минской тайге.

«Дожились! Молодёжь старикам, всю жизнь прожившим в тайге, советы даёт! Всю жизнь били прямым колотом, а тут подавай им скошенный! Надо попробовать, всё равно молодёжь будет бить, пусть делают для себя!» — подумал бригадир и согласился.

— Показывай: как пилить паз будем?

По указаниям Виталия до половины ствола сделали врезку паза «полуласточкин хвост», Савельевич топором очистил его. Срубив сухостойную пихтовую жердь, на конце выстрогал клин, вставил его в паз и забил жердь обухом топора.

— Виталька, пробуй!

Парень приподнял колот, держа возле бойка. Почувствовав, что он перевешивает в одну сторону, предложил:

— Надо запилить паз глубже центра бойка, чтобы сохранялось равновесие при переноске и ударе.

Бригадир, подержав колот в руках, согласился: — Ты прав, надо заглубить паз за середину ствола,

Когда пила ушла ниже центра ствола, он выдолбил топором дерево, вогнав в паз обухом топора шест, скомандовал Витальке:

— Попробуй поднять и взять на плечо! Как теперь?

Повертев колот в руках, поставив к кедру, парень нанёс хлёсткий удар, от которого на мох дождём полетели шишки.

— Нормально, только жердь длинная, и для удобства надо стесать немного снизу боек, чтобы плотней лежал на плечи и меньше давил.

— Это не большая проблема, — сказал повеселевший таёжник.

Просушка и ремонт таёжной избушки в Ключках

Отмерив полметра, обрезали конец жерди так, чтобы в вертикальном положении боёк не касался плеча и доставал до бойков на кедрах.

— Бить будет Виталька, у него хорошо получается. Мало будет силы удара одного человека, второй таёжник будет становиться спиной к кедру, будут бить двойной тягой. А теперь учитеесь, как надо привязывать мешок, — подняв кедровую шишку, перекинул мешок через плечо и длинными вязками завязал шишку, получилась удобная перекидка, при которой обе руки были свободны и горловина мешка находилась перед глазами.

Виталий усмехнулся, поняв, для чего отец привязал к мешкам длинные крепкие вязки, но ещё одно их назначение узнал немного позже.

Близился вечер. Николай хорошо протопил железную печку, в открытые двери вырывались клубы пара испарявшейся влаги, скопившейся в нежилой таёжной избе. Когда она просохла, парни наломали пихтовой лапки и уложили толстым слоем на нары. Валентин лёг и застонал от удовольствия:

— Мягко будет спать, как на перине, и пихтовой смолкой приятно пахнет!

На улице стемнело. При свете отблесков горящих в печке дров поужинали гречневой кашей из купленного в магазине и измельчённого в обёртке обухом топора концентрата, запили горячим ароматным таёжным чаем. У парней хватило сил залезть на нары, в следующую минуту они спали богатырским сном. Так закончился первый день проживания ребят в тайге.

Всю ночь уставшие изготовители кедрового орешка — шишкарки — спали беспробудным сном, который утром был прерван грозной командой бригадира:

— Рота, подъём!

Выйдя из избушки, они с удивлением увидели пылающий костёр и висевшие над пламенем котелки с чаем и вчерашней кашей, услышали команду: — Быстро на ручей, умываетесь — и за стол! Нам надо оббить и застолбить как можно больший

Так в России
добывают
кедровую
шишку

участок тайги, в любой момент могут появиться другие заготовители и обобьют нас, отрежут участки с хорошей шишкой!

Зевая, парни пошли на ручей, кативший к Мане свою холодную до ломоты зубов воду.

— Кому надо тащиться в такую даль ради мешка ореха?— умываясь в ледяной воде, сказал Виталий.

Ему возразил Николай:

— У нас в посёлке мало работы для мужчин, хорошая шишка в тайге—это способ заработать деньги. Кто заключает договор с заготовительной конторой «Бурундук», будет сдавать заготовленных орех, другие, как мы, идут добывать орехи без договора, добытый орех отправят в Красноярск на городские базары!

После завтрака, состоявшегося из гороховой каши с тушённой и настоявшегося за ночь у костра таёжного чая, бригадир скомандовал:

— Пора на деляну. Виталька берёт колот, по дороге будете меняться: один устал—передает другому.

Валентин пробовал возразить:

— Роса ещё не обсохла, холодно и сыро, давайте немного подождём, пока потеплеет и роса обсохнет!

— Некогда ждать, надо тайгу застолбить, иначе хорошую шишку потеряем. В пути согреетесь, в работе обсохнете! Привыкайте к таёжной жизни!—заявил бригадир, вставая и направляясь к тропинке.

Следом за ним парни быстрым шагом прошли километра три от избушки, промокнув от утренней росы и замёрзнув до костей—мокрая одежда не грела в утреннем тумане. Остановились возле большой кучи прелых остатков шишек, добывавшихся кем-то ранее. Возле неё стояли козлы. Виталька догадался, что в них крепится тёрка для шишек. — Здесь мы всегда делали бурт, ссыпали добытую шишку. Когда обобьём всю тайгу, принесу тёрку для шишек, она у меня на подшивниках, перетрём, просеем через два сита, орешек перенесём в мешках к избушке, там пропустим через ветрогон и прокалим на кедровых дровах. Таких буртов у нас будет три, чтобы далеко не носить мешки с шишками!—сказал бригадир.

Виталий робко возразил:

— Мы приехали на неделю! Вы собираетесь месяц добывать орех, у нас отпуск через десять дней закончится!

— Вы для чего в тайгу приехали? Орехи добыть или на прогулку?

— Ореха на щелканку добыть!—поддержал друга Валентин.

— Если приехали добывать орех, то стыдно откзывать заработать денег! Это не шишки—рубли растут на ветках кедров! Работайте и не печальтесь, у меня в Мине знакомый главный врач больницы, он вам больничные выпишет!

— Тогда совсем другое дело, будем добывать вместе с вами!—согласился Виталька.

— Согласен, нечего стоять, бери колот на плечо, пойдём на деляну!

— На какую деляну?—хором удивились гости.

— Отойдём километра на два, до границы таёжки, там и начнём бить шишку и носить сюда мешки. Виталька будет бить первым.

Звавлив колот на плечо, утопая в мягком мху, парень обречённо шёл следом за неумным бригадиром, который, нагибаясь, срывал с земли куски мха и навешивал на ветки деревьев и кустов. Всем было интересно, зачем он это делает, но никто не хотел показаться дилетантом в таёжной жизни. Наконец вышли на окраину таёжки. Дальше росли молодые деревья, над которыми возвышались одинокие деревья, оставленные на вырубке, чтобы осеменяли отработанную лесосеку.

— Отсюда начнём бить, мешки с шишками будете носить по ниточке мха, которую я навешал, не упускайте её из вида, иначе заблудитесь. Если заблудитесь, мешок с шишкой не бросайте, кричите что есть мочи и возвращайтесь на наши крики своим следом. С Богом! Виталька, начинай бить!

Подойдя к кедру, Виталий установил жердь в хорошо видную во мху лунку, оттянув колот, согнул для толчка правую ногу, разгибая, со всей силой толкнул его на боёк кедра. Он видел, как от мощного удара вверх по стволу побежали волны, затряслась крона, раздался свист и шорох, успел спрятать голову под колот, по которому загудели крупные шишки, некоторые падали на плечи, причиняя ощутимую боль. У него мелькнула мысль, что кедр мстит за нанесённый удар. Он, мысленно попросив прощения, выглянул из-под обрезка бревна, чтобы взглянуть, остались ли ещё шишки на ветвях. В это время почувствовал резкую боль, схватился руками за нестерпимо болевшее лицо. Оставшийся без хозяина, колот упал на мох.

Услышав громкий смех товарищей, не понимая, что случилось, посмотрел на них. Бригадир улыбнулся:

— Поздравляю с крещением тайгой! Никогда не высовывайся из-под бойка и не заглядывай вверх, шишка может мозги стясти или глаз выбить.

Осмотрев вершину кедра, покачал головой:

— Мало одного удара, много шишки осталось на ветках! Ударь два раза подряд, посмотрим, как будет от серии шишка сходить.

Парень нанёс два удара, наученный горьким опытом, ужался, пытаюсь спрятать под чурку бойка не только голову, но и плечи от ударов летевших с большой высоты увесистых шишек. Теперь они били его скользом по плечам, но это можно было терпеть.

Бригадир скомандовал:

— Дальше бей серией по два-три удара, так шишки сходит больше.

Оставив друзей собирать шишку, подняв колот на плечо, парень пошёл к другому кедру, но его остановил крик бригадира:

— Ты почему на оббитый кедр мох не навесил? Запомни: оббил, кусок мха навесил, тогда переходишь к другому дереву, все будут знать, что кедр уже оббит!

— Всё понял, — парень кивнул головой.

Пока его товарищи собирали шишку, он оббил рядом стоявшие кедры, прислонив колот к дереву, стал собирать спелые шишки с изумрудно-зелёного мха, по которому красными бусинками, словно капли крови, были рассыпаны ягоды брусники, ещё не совсем зрелые, немного кислившие во рту, но оказавшиеся необычно вкусными.

Валентин и Николай пробовали бить, но бригадир забраковал их работу:

— Жидкие вы для колота! Бить будет Виталька, вы собираете шишку. Если будут плохо сходить, будете ему помогать. Жалко, что не сходит вся шишка: видно, слишком жаркое было лето. Ничего не поделаешь, будем бить колотом, двойной тягой, другого выхода у нас нет!

— А какое отношение имеет к шишке жаркое лето? — удивился Валентин.

— От жары у зелёной шишки смолой затекает сочленение с веткой, она созревает, а сочленение остаётся зелёным и прочно держит на ветке. Так иногда случается, можете посмотреть: среди сбитых шишек встречаются спелые, но с зелёным хвостиком. С этим ничего не поделаешь будем бить, даст Бог, помаленьку добудем!

Услышав это, Виталька, весь день бивший колотом, покачал головой: он лучше всех знал, как тяжело носить колот от кедра к кедру по заваленной буреломом тайге, почти каждый бить серией из двух-трёх ударов.

Но бригадир не менял своего решения, и парню до снега пришлось через валежник и упавшие деревья таскать на плечах тяжёлый колот, оббивая кедры; остальные участники команды, всё время собиравшие шишку, иногда помогали ему.

Когда наполнился первый мешок, бригадир утряс его, досыпав до самого верха, скомандовал: — Сломайте несколько пихтовых веток, покажу, как настоящий таёжник под пихту должен увязывать мешок!

Под его руководством парни по краям полного мешка воткнули ветки и высыпали ещё ведро шишки, после чего вместе с Савельевичем перетянули горловину крест-накрест длинными вязками, прижав шишки лапником. В обычный мешок на четыре ведра под пихту входило пять, а в Виталькины мешки — шесть ведёр шишки, и эти неподъёмные мешки Николай и Валентин по очереди два километра несли на бурт, рискуя заблудиться или наткнуться на медведя, который жил в этой тайге.

К обеду набивали по мешку каждому, и Виталька, прислонив колот к кедру, взвалив на плечи свой шестиведёрный мешок, вместе с парнями шёл следом за бригадиром. Высыпав в кучу неподъёмно тяжёлые мешки, пошли обедать в избушку, где Виталька взбунтовался:

— Какого лешего мы будем ходить на обед в избушку, мотаться четыре километра? Надо брать с собой котелки с кашей и чаем, у бурта будем жечь костёр, греть еду и питаться. Мы с Валентином из титанового сплава сварили котелки с крышками, они надёжно закрываются, никакой гнус не пролезет! — и ребята поддержали его.

— Вы правы, так и будем делать, полчаса можно будет после обеда отдохнуть! — немного подумав, согласился бригадир.

Однажды, собирая шишку, Валентин поднял голову и почувствовал, как мороз пополз между лопатками от страха. По коре кедра шли глубокие параллельные борозды метра полтора длиной с рваными краями. В мозгу молнией мелькнула мысль: «Что это? Кто мог оставить?»

Озираясь по сторонам, негромко спросил:

— Кто это сделал?

Посмотрев на свежие борозды, бригадир усмехнулся:

— Это медведь когтями свои угодя пометил, чтобы звери и люди знали, кто здесь хозяин!

Парни стояли потрясённые, глядя на глубокие борозды, ещё не успевшие заплыть кедровой смолой, и думали: «Вот это силища! Не дай Бог попасть к этому великану в лапы, вмиг порвёт!»

Виталька подлил масла в огонь:

— Царапины свежие! Один-два дня назад косолапый свой знак оставил, где-то рядом пасётся!

Валентин с Николаем стали озираться, внимательно осматривая окрестности. Глядя на них, бригадир рассмеялся:

— Успокойтесь! Медведю осенью корма хватает, он сыт, на человека не нападёт! Услышав стук колота, почуствует присутствие людей и уйдёт дальше в тайгу!

Потянулись дни, похожие один на другой, в залитой сентябрьским солнцем тайге, наполненной запахами прелого мха, разогретой смолы и кедрового лапника. Съедаемые облаками комаров и таёжного гнуса, парни с утра до позднего вечера были заняты однообразной утомительной работой: били, собирали и носили на бурты кедровую шишку.

Обходя широкую полосу в тайге, носившей название Ключки, двигались по её границе вокруг избушки, оббивая богатые шишкой участки.

Несмотря на заверения бригадира, Валентин через несколько дней наткнулся на свежую кучу, оставленную оправившимся медведем, ещё не успевшую засохнуть.

Бригадир, желая успокоит ребят, пошутил: — Не бойся, Валентин, ты, видно, понравился медведю, он даёт о себе знать!

Несмотря на благодушное настроение Савельевича, парни поняли, что мишка никуда не ушёл, бродит рядом, а им нечем было себя защитить от его когтей и зубов. Виталька, слушая заверения бригадира, что мишка уйдёт, усмехнулся: «Твои бы слова да медведю в уши!» Он вспомнил рассказ старого охотника, встреченного в Ангуле, о коварстве медведей, когда мальчишками они с братом Сергеем и его другом убежали по тайге с Манских порогов, спасаясь от преследования свирепой медведицы с медвежонком. Его рука привычно нащупала ручку охотничьего ножа, всегда висевшего на ремне; в отличие от его друзей, с которыми добывал орех, у него была пусть призрачная, но всё-таки защита от свирепого хищника.

Первые дни труд таёжника с раннего утра до позднего вечера казался каторгой, но время лечит, и парни втянулись, радовались хорошей погоде и необычно тёплой осени. Эту радость омрачали висевшие над головой тучи комаров и мошки, таёжного гнуса. Они клубились над ними серыми облаками в надежде напиться крови. Как только появлялся не защищённый одеждой участок кожи, его сразу облеплял таёжный гнус, и чем больше ты его давил, тем его слеталось всё больше. Особенно свирепствовал мокрец, он был настоящим бичом тайги, и от него не было спасения. Эта мелкая, почти незаметная мошка пролазила под любую одежду, кусала и пила кровь безболезненно, только потом появлялась сильная боль, в месте укуса вскакивал волдырь от впрыснутого под кожу яда, и это место чесалось несколько дней. Если мокрец или мошка кусали за веко или в области глаза, он заплывал на несколько дней, губы распухали, и никакие мази — «Дэта», «Репудин», «Тайга» — не помогали, все ходили с опухшими лицами, посмеивая друг над другом.

Прошли две недели изнурительной работы и однообразного питания: ели суп с вермишелью и картошкой, каши гречневую и гороховую, приправленные банкой тушёнки. Очень редко

бригадир, проявляя щедрость, разрешал отрезать каждому по тонкому пластику солёного сала. Через неделю хлеб кончился, ели сухари, размачивая в супе или ароматном таёжном чае.

Однажды, проснувшись утром раньше других, Виталька вышел из избушки и не услышал привычного звона крыльев гнуса, изо рта шёл пар, трава и мох были покрыты белым инеем, хрустели под ногами. Придя в себя, закричал от восторга: — Парни, иней упал на тайгу, мороз мошку прибил! Конец мучениям!

— Чего ты кричишь? Сам не спишь и нам не даёшь! — недовольно ворча, из-за приоткрытой двери выглянул Валентин, да так и застыл от изумления.

Придя в себя, закричал:

— Ура! Кончились наши мучения, кровопийцам конец!

В тайге наступило золотое время для добытчиков ореха и её обитателей, страдавших всё лето от комаров и мошки: воздух был свеж, и не было слышно надоедливого жужжания тысяч крыльев таёжного гнуса.

— Сегодня работаем до обеда, устраиваем баню, пора помыться, холода не за горами! — скомандовал бригадир.

Во всех ёмкостях, котелках, вёдрах парни грели воду, калили камни на костре, горевшем перед избушкой, долго топили железную печку, прогревая избушку. Когда всё было готово, возле печки разровняли площадку, совковой лопатой перенесли раскалённые на углях костра камни; поливая их горячей водой, склонившись над паром, хлестали их пихтовыми вениками, отпаривая пропитанные потом и кедровой смолой тела. Единственной мочалкой, предусмотрительно взятой бригадиром, мылились и тёрли друг другу спины, обливались тёплой водой, испытывая истинное наслаждение от парной таёжной бани.

Ночные заморозки стали повседневными, предупреждая о приближающейся осени. Оббивая кедр, переноса колот к следующему дереву, Виталька услышал долетавшие издалека звуки ударов. Прислонив колот к стволу кедра, прислушался. — Чего остановился? Оббивай дальше! — последовал грозный окрик бригадира.

Парень махнул рукой, прислушавшись, вновь услышал едва доносившиеся издалека удары колота и повернулся к бригадиру:

— Слышу удары колота, кто-то бьёт шишку рядом с нами!

— Работай и не выдумывай, я ничего не слышу!

Но его поддержал Николай:

— Виталька прав, я тоже слышу удары колота.

— Чего стали? Работайте! Пусть бьют, тайга большая, мы свою таёжку, слава Богу, заканчиваем оббивать, никто нам теперь помешать не сможет!

Прошло несколько дней, и вечером, когда шишкари пили чай у вечернего костра возле избушки,

из тайги вышел высокий сторбленный старик в длинном парусиновом плаще, хромая и опираясь на палку при каждом шаге. Глядя на него, Виталий подумал: «Как он сюда попал, за десятки километров от жилья? Что делает в тайге этот древний старик, который и шага без палки сделать не может?»

— Рад видеть тебя и твоих помощников, Николай Савельевич! Давно слышу звук колота и ломаю голову: кто рядом бьёт? Как сыпется шишка с кедров?—подойдя к костру, здороваясь и приживаясь на чурку, спросил гость.

— Привет, Василий, давно не виделись! А куда шишка денется? Смотри, сколько у меня молодых и здоровых бойцов! Выпей с нами кружку чая, расскажи, как тайга, какая нужда к нам привела,—встретил гостя бригадир.

Тот протянул руки к костру:

— К вечеру похолодало, руки озябли. За приглашение спасибо! Но некогда чаи гонять, скоро зима придёт, к ночи надо до своей избушки добраться. Нужда привела к тебе. Собрался я в тайгу, пошёл к сыну, Ивану, у него хорошая тёрка, но он наотрез отказался сказать, где её прячет! Думал, сам найду, всю таёжку облазил—как сквозь землю провалилась. Куркуль! Родному отцу отказал, не моргнув глазом! Набил я чуть выше по Мане десяток мешков шишки, вальком тереть—годы уже не те, выручи по-соседски, дай тёрку на пару-тройку дней!

— Я ещё не смотрел, цела ли моя тёрка. Днями сами думаем шишку тереть, кончаем таёжку оббивать. Ты продолжай бить. Через неделю, как стихнут удары нашего колота, приходи; пока мы будем ветрогонить и калить, перетрёшь, место обговорим, туда и спрячешь.

— Спасибо на добром слове, порадовал старика!—растроганным голосом поблагодарил гость.

— Василий! А как ты вывозить собрался? На себе много не унесёшь!

— Сосед меня на лодке завёз, мою на буксире притащили, напротив Ангула на этом берегу стоит. Погружу орех в лодку и сплаваю до Выезжего Лога, от берега найду, как до дома довести.

Услышав о лодке, бригадир оживился:

— Погоди, Василий! Говоришь, что напротив Ангула твоя лодка стоит? Ты её примкнул?

— Нет, вытащил на берег и привязал. А что?

— Разрешите нам ею воспользоваться? Когда начнём орехи вывозить в Ангул, часть будем переплавлять, потом на место ставить.

— Берите, какой разговор, мне она сейчас без надобности.

Немного поговорив, вновь отказавшись от чая, опираясь на палку, гость ушёл в тайгу.

— Кто это был?—спросил Валентин.

— Отец Стойчика Ивана, местного куркуля, живёт в Выезжем Логу, всё под себя гребёт! Надо

додуматься: родному отцу, старику, не сказал, где тёрка спрятана! Живолюте! Как земля таких носит? Слышали, что гость сказал о приметах? Скоро холода наступят, с ними и снег выпадет. Через пару дней кончим бить шишку, начнём тереть. А теперь всем спать, завтра подниму рано!

Ребятам не надо было повторять: растянувшись на пихтовом лапнике в протопленной избе, радуясь, что скоро закончится бой шишки, быстро уснули, утомлённые тяжким трудом таёжника.

Проснувшись, не узнали тайгу, покрытую мокрым снегом, который вместе с мелким дождём продолжал сыпать из лиловых туч, опустившихся до самых вершин сопок.

Бригадир за завтраком сказал:

— Жалко, что погода испортилась, нам не хватило пары дней, чтобы оббить все кедров в Ключках. Может быть, солнце взойдёт—и погода наладится. Пойдём на деляну, попробуем бить.

Парни знали, что перечесть ему бесполезно, и промолчали. Пока шли к колоту, все промокли до костей: малейшее прикосновение к кустам вызывало водопад из пропитанного водой снега, который лежал на траве и мху.

На густых вершинах кедров лежал слой мокрого, пропитанного снега, и после первого удара он обрушился на Витальку, который пытался ужаться, спрятаться по чурку колота, но это плохо удавалось. Оббив несколько кедров, парень промок и продрог до костей; он видел, что сборщикам шишек было не лучше, одежда на них была пропитана ледяной водой. Прислонив колот к кедру, он взбунтовался:

— Набили больше ста шестидесяти мешков, хватит! Из-за ведра ореха, добытого по такой погоде, простынем и заболеем!

Неожиданно бригадир поддержал его:

— Кончаем бить! Нечего здоровье гробить! Идём в избушку. Вы сушитесь и отдыхаете, я с Николаем схожу за тёркой. Завтра с утра начнём шишку тереть и просеивать через два сита, копытное и чистовое.

Высушив одежду, отогревшись, после обеда Савельевич с сыном ушли в насквозь промокшую, покрытую мокрым снегом тайгу, в избушке остались Виталий с Валентином.

— На своей шкуре испытали таёжную романтику добычи кедрового ореха! Не пропало желание жить таёжной жизнью?—рассмеялся Виталий.

— Первые дни тяжело было, сейчас втянулся в этот каторжный труд! Больше никогда не скажу, что дорого просят за стакан ореха на базаре! Но месяц таёжной романтики и жизни в избушке многому научил! Хорошо провели отпуск и денег заработали благодаря Савельичу,—ответил Валентин.

— Чувствую, до снега придётся зарабатывать таёжные деньги!—усмехнулся Виталий.—Теперь

ничего не поделаешь, нельзя Савельевича с Николаем бросать в тайге.

— И от денег отказываться, — поддержал его друг.

Парни разожгли костёр, сварили надоевший вермишелевый суп, вспоров и бросив в котёл банку тушёнки. Когда Виталий для заправки резал сало на мелкие кусочки, у него потекли слюнки, и он, посмотрев на Валентина, не отрывавшего взгляда от его рук, отрезал от куска два тонких пластика, один протянул другу:

— Немного помышкуем, думаю, мы заслужили!

Отрезая по маленькому кусочку, неспешно прожёвывая, они наслаждались давно забытым вкусом солёного сала, глядя в тёмное от сетки дождя окно избушки.

Прошло не менее трёх часов, на улице стало темнеть, парни стали беспокоиться за друзей, помня метки так и не покинувшего тайгу медведя. Наконец у входной двери раздались голоса. Парни выглянули, чтобы своими глазами увидеть чудо техники — тёрку на подшипниках, но вместо неё увидели мокрых до нитки связчиков с пустыми руками. Не сговариваясь, в один голос спросили: — А тёрка где?

— Хрен её знает! Вышли на место, где я её прятал два года назад, а тёрки нет! Обыскали вокруг на полкилометра, но тёрка пропала. Я знаю, кто её забрал! Стойчик Иван, из Выезжего Лога! Он в тот год здесь бил шишку, законченный подлец, даже родному отцу в помощи отказал, всё, что найдёт в тайге, к себе во двор тащит! Вы его отца, Василия, видели. Били его несколько раз мужики, но толку нет, он меня хочет из Клочков выжить! Вот хрен ему!

— Тёрки нет — что со ста шестьюдесятью мешками шишки делать будем? Мы с Виталькой и Юрой тёрли вальком четыре мешка шишки — мозоли на руках набили! — насторожился Валентин.

— Когда вы успели побывать в тайге? — удивился бригадир.

— Два года назад приезжали к Благинину Григорию в гости, он повёз нас в тайгу на своём мотоцикле, в какой-то лог, там небольшое зимовье стояло, в нём жили три дня, несколько мешков шишек стёрли вальком, по ведру ореха насажали.

Виталий с Валентином трут шишку вальком

Савельевич усмехнулся:

— Только не уважающий себя таёжник трёт шишку вальком. Неужели Благинин, старший лесничий, не мог договориться и взять тёрку на пару дней?

Не обращая внимания на его слова, Виталий, спросил:

— Бригадир, ты не ответил: что мы с шишкой делать будем без тёрки?

— Мы сделаем новую, лучше прежней будет! — улыбнулся тот.

Виталий
с Валентином
трут шишку
вальком

Парни были поражены, и удивлённый Валентин спросил:

— Из чего и чем мы её будем делать? Инструмента у нас нет, только двуручная пила, топор и пара ножей, нет ни одного гвоздя!

— А ты на стены избушки посмотри: видишь, сколько гвоздей? Сколько надо — вырвем, будем за продуктами выходить в посёлок — принесём и вобьём!

— У нас нет досок и бруса, из воздуха тёрку не сделаешь! — не сдавался Валентин.

Савельич рассмеялся:

— Сразу видно городского человека. Ты кругом посмотри, сколько деревьев растёт. Пила и топор у нас есть, завтра утром свалим подсоченный кедр и начнём тёрку мастерить! Надеюсь, вы догадались суп сварить? Мы с Николаем голодные как волки, холодные и мокрые. Поставьте котлы с супом и чаем на печку, попытаемся согреть озябшие внутренности!

Поставив котелки на раскалённую печку и подложив дров, Виталий, расставляя чашки на небольшом столе, прибитом к стене избушки, пригласил: — Садитесь рядом с печкой, суп горячий, пока хлебаете, чай согреется, и мы с вами поужинаем!

Покушав и напившись чая, обитатели избушки забрались на нары, теряясь в догадках, как бригадир собирается из ничего сделать тёрку, и не заметили, как уснули под шум осеннего дождя, стучавшего по крыше из кусков коры.

Утром, выглянув из избушки, обрадовались: прекратился нудный дождь вперемешку со снегом, весь прошлый день сеявший из тёмных туч, зацепившихся за вершины гор.

— Хороший знак, погода решила нам помочь! — улыбнулся бригадир.

После завтрака, вооружившись двуручной пилой и топором, шишкари пошли делать тёрку.

Таёжник подвёл их к ошкуренному и засохшему на корню кедру, осмотрев его, расставил ребят, и они начали пилить толстый, в два обхвата, ствол.

Виталий нарезает зубцы, Савельевич обстругивает боковину

Как только пилу стало зажимать, он приказал её вытащить, взялся за топор и стал срубать древесину с верхнего участка реза, а парней поставил подпирать дерево с другой стороны. Им долго пришлось таскать пилу, зажимаемую кедром. Наконец раздался треск разрываемой древесины, великан стал клониться в сторону подруба, которым бригадир направил его падение. С хряском рвущихся волокон, ускоряясь, кедр падал на землю; парни стояли рядом, выдернув пилу, заворожённо смотрели на гибель таёжного великана. Из этого состояния их вывел громкий крик бригадира: — Бегите в сторону! Комлем зашибёт насмерть! Бегите скорее!!!

Поняв, что дерево может убить своих губителей, парни в несколько прыжков отскочили на безопасное расстояние. Как только вершина коснулась камней, комель подпрыгнул на ветвях на несколько метров и полетел по кругу; до парней только сейчас дошло, что были на волосок от смерти.

По привычке ругнув городских растяп, бригадир приказал отпилить от комля полутора-метровое бревно, после чего подвёл к стройной берёзе и сказал:

— Валите под корень, прямая, на барабан сгодится!

Парни свалили берёзку, отрезали несколько чурок разной длины, раскололи пару чурок на поленья. Таёжник топором выстрегал из них две увесистые колотушки и несколько клиньев. Ребята под его руководством колотушками забивали топор в торцы кедрового отрезка, вытаскивали и в образовавшиеся щели забивали плоские клинья. — Теперь с двух сторон равномерно забивайте клинья, не торопитесь, бейте поочерёдно! — командовал бригадир, наблюдая за работой.

Виталий видел, как после каждого удара щели удлинялись к середине короткого бревна; после очередного удара раздался треск, и горбыль с корой отлетел в сторону, обнажив почти ровную поверхность.

Оценивая работу, Савельич удовлетворённо потёр руки:

— Нам повезло, прямослойный кедр попался. Снимем со всех сторон горбыли, от бруса отщепим плахи для бортов будущей тёрки.

Работая, Виталий поражался навыкам выживания в тайге, которыми делился с ними старый опытный таёжник.

Нанося удар за ударом по клинью, из круглого бревна они получили прямоугольный брус, от которого откололи две толстые плахи. Поставив брус на чурки, Савельевич с Виталькой выпилили двуручной пилой корыто под барабан, нарезали в нём зубцы. Положив берёзовую чурку в корыто, бригадир сказал:

— Теперь сделаем на барабане запилы для вала.

С двух сторон, по ширине корыта, они сделали запилы по кругу с обеих сторон. Виталий, откалывая топором лишнее дерево, старался соблюсти центровку будущего барабана.

Повертев барабан за оси, убедившись, что он хорошо отцентрирован, Савельевич похвалил: — Молодец! Сумел оси по центру вырезать! Теперь ошкуривай барабан и ножом нарежь зубцы. Я подстрогаю боковины, поищу с парнями скобу, и гвоздей из стен избушки надёргаем! — сказал бригадир.

Виталий ошкурил будущий барабан, с силой надавливая на свой охотничий нож, оставляя глубокие царапины, разметил по кругу будущие зубцы, после чего стал их нарезывать. Сырая берёза по твёрдости была сродни железу, но парень колотушкой забивал лезвие ножа, удаляя лишнее дерево, вырезал один зуб, за что вновь получил благодарность бригадира, который заметил:

— Хороший зуб вырезал, но такими темпами до вечера зубья не нарежешь. Бери пилу, постараемся облегчить тебе работу.

Поставив парней распрямлять скобы и гвозди, с Виталькой сделали продольные пропилы в барабане. Когда они были готовы, таёжник сказал:

— Садись и ножом выбирай древесину между зубцами, я с ребятами буду прожигать дыры в плахах под вал барабана.

Виталий рассмеялся, услышав как просто можно разрешить задачу получения отверстий в плахах без сверла и стамески: их заменит раскалённое на костре железо скобы. Продолжая работать с барабаном, не мог понять и ломал голову, из чего крёстный собрался делать и как крепить ручки на барабан. Они должны быть крепкими, в корыто попадает сразу несколько шишек, надо с усилием крутить барабан, чтобы их растереть. Сырая древесина с трудом поддавалась ножу. Он взял освободившийся топор, дело пошло веселей. Постукивая по обуху колотушкой, выбирал древесину с двух сторон зубца, ножом подстругивал каждый зубец барабана.

Закончив нарезку, подключился к прожиганию дыр в плахах. Часть скобы лежала на углях,

нагреваясь до белого каления, от неё нагревалась вся скоба, и её невозможно было взять в руки. Деревянная рогатка, которой её подхватывал Савельевич, дымила и плохо держала раскалённое железо, при надавливании на плаху съезжала и вспыхивала.

Понимая, что так не они смогут прожечь в толстых плахах большие дыры для осей вала, Виталий осмотрел избу изнутри и снаружи, но ничего подходящего не нашёл. Осматривая стоявшие у избы старые сломанные тракторные сани, откуда были вырваны две скобы, увидел полуметровую полосу железа. Сгибая её в разные стороны, переломил. Согнув посередине, постучал на чурке обухом топора, получился прихват для работы с раскалённой скобой. Подойдя к костру и разогнув концы полосы, серединой прихватил и зажал раскалённую до свечения скобу, торцом прижал к плахе, наблюдая, как, чадя, железо медленно погружается в древесину. Пока он работал с одной скобой, грелась другая. С железным прихватом дело пошло гораздо быстрее.

Наконец отверстия под оси барабана были прожжены, расширены до нужного диаметра; бригадир положил вал в корыто, парни проделали концы вала в отверстия боковых плах, Савельевич с одной стороны наживил их гвоздями к корыту, сказал:

— Самый ответственный момент: посмотрим, как отцентрирован вал барабана! Приподнимите его на толщину спичечного коробка, — и наживил гвоздями плахи с другого края.

Перед глазами изумлённых парней стояла готовая тёрка, только без ручек.

Прокрутив вал вокруг оси, похвалил:

— Молодцы, сегодня хорошо поработали. Вечер на дворе, ужинаем, пьём чай, сушим одежду и отдыхаем до утра!

— А из чего ручки будем делать? Как крепить их к валу? — не утерпев, спросил Виталий.

Он не мог догадаться, как можно в тайге подручным материалом заставить крутиться вал, который должен будет разжевать сто шестьдесят мешков шишки.

Крёстный рассмеялся:

— Пейте чай, сушите одежду и ложитесь спать. Как говорили наши предки, утро вечера мудренее. Завтра всё увидите! Молодцы, не ожидал, что сделаем тёрку за один день. Завтра начнём шишку тереть!

Весь день занимаясь изготовлением тёрки, парни отдохнули и повеселели, не испортил им настроения закапавший к вечеру дождь. Развешав одежду на стены у печки, рано поужинав, легли на нары и слушали шум дождя, который усилился и лил как из ведра.

Виталий спросил:

— Савельевич, ходит много разговоров про Верхнее Манское озеро, из которого вытекает Мана,

что там много рыбы и тайга богатая. Расскажи нам, что знаешь.

— Сам там не был, но с мужиками разговаривал. Узаготовительной конторы «Бурундук» в Выезжем Логу есть небольшой вертолёт, летают на это озеро, привозят много фляг солёного ленка и хариуса. Охотятся, на высокогорье водятся дикие олени, медведи, добывают мясо. На вертолёте забрасывают продукты шишкарям в лог Культимба, там густо растёт боевой кедр, с одной установки колота можно оббить по два-три кедра, идёт богатая шишка. Некоторые ждут сильного ветра или договариваются с лётчиком, он на малой высоте пролетает на вертолёте несколько раз над тайгой, потоком воздуха от винта оббивает шишку, им остаётся только собрать её со мха, перетереть и просеять.

— А люди как туда попадают?

— Бригада заготовителей заходит пешком по тропе вдоль Маны до заброшенного прииска Юльевский, там вброд переходят Ману, по тропе идут к логу Культимба, куда вертолётом раньше забрасывают продукты, и добывают орех.

— А как они вывозят заготовленный орех из такой глуши? — удивился Валентин.

— Прилетает вертолёт, забирает мешки, люди выходят пешком. По логу Культимба идёт тропа на Верхнее Манское озеро, из которого вытекает Мана, от прииска Юльевского до озера километров двадцать пять — тридцать. Недалеко от истока Маны в пятьдесят четвёртом году разбился двухмоторный пассажирский самолёт, летел из Китая в Москву. Его долго искали, но выпал снег, и нашёл его охотник на горе Сивуха, на самой вершине, только на следующий год, когда стаял снег и открылись перевалы. Трупы погибших вывезли, но одного мужчину не нашли — видно, зверьё растащило или выжил в катастрофе и сгинул в тайге.

— Когда мы ещё жили в Хабайдаке, отец мне об этом рассказывал. Я сам видел, как маленький самолёт По-2 с двумя лётчиками низко пролетал над тайгой, — сказал парень и спросил: — А с разбитым самолётом что сделали?

— Кому он нужен? Говорят, и сейчас на вершине Сивухи лежит!

— А до Юльевского сколько километров?

— С Выезжего Лога больше пятидесяти. Кто таёжные тропы мерил?

— На прииске сохранились дома и постройки?

— Несколько домов стоят, часть разобрали на плоты — орехи сплавляли по Мане, когда вертолёта не было; много плотов разбилось на Манских порогах — в низкую воду камни все оголяются. — На порогах я был, ходили с братом Сергеем с Мины через Таловку и Ангул, на медведицу с медвежонком напоролись, едва ноги унесли, — сказал Виталька и услышал богатырский храп бригадира.

— Валька! Давай сходим на Верхнее Манское озеро, посмотрим разбитый самолёт, порыбачим, поохотимся, будем знать, где Мана берёт начало!

— Спи, посмотрим, как карта жизни ляжет! — сказал приятель, поворачиваясь на бок.

Витальке, которому с детства хотелось побывать в таёжных дебрях Восточного Саяна, посмотреть разбившийся самолёт и порыбачить на Верхнем Манском озере, из которого небольшим ручьём вытекает таёжная река, красавица Мана, на берега которой с Валентином и друзьями часто ходили в походы, вязали стальными тонкими тросами плоты из брёвен, плывущих по Мане, сплавливались от посёлка Береть и кордона Еловка до устья, её впадения в Енисей, долго не спалось, обдумывал план будущего похода.

В таёжной избушке, пока горела печь, было жарко; когда прогорали дрова и гасли под пеплом угли, тепло быстро выветривалось. По установившейся традиции, кто первым замерзал, вставал с нар и разжигал железную печку, подкладывая дрова; в эту ночь её пришлось разжигать и топить трижды, на улице резко похолодало.

Утром прозвучала привычная команда бригадира:

— Рота, подъём!

Выйдя из избушки, парни удивились: дождь, ливший всю ночь, прекратился, трава вокруг стана, кусты и ветви деревьев были покрыты белым ковром инея. Над костром парил котелок с гречневой кашей, рядом висел котелок с чаем — нехитрый завтрак, приготовленный неутомимым бригадиром. Умывшись в ручье, рассевшись за столом, ложками отправляя в рот надоевшую кашу, запивая чаем с сухарями, парни думали, что упавший иней, верный вестник надвигающейся осени, был сигналом скорого выпадения снега.

Словно читая их мысли, Савельич скомандовал: — Поели — пора работать, время не ждёт, зима не за горами!

Обступив тёрку, ребята с удивлением смотрели на не совсем ровные ручки, красовавшиеся на валу. Виталий не сразу понял, что крёстный отец концы вала обстрогал под паз «ласточкин хвост», насадил и расклинил обрубленные с кедра толстые сучья; боковые ветви, росшие почти под прямым углом, служили ручками для вращения вала тёрки.

Бригадир был доволен произведённым впечатлением:

— Унас остались одна-две недели до первого снега! Надо перетереть и просеять всю шишку! Иначе ударят морозы, по Мане пойдёт ледяная шуга, и мы не сможем до зимы вывезти добытый орех!

Парни не возражали: месячное проживание в тайге им успело порядком надоесть своим однообразием, и каждый готов был скорее уйти в жилюху, но держали более ста шестидесяти мешков

Виталька подносит мешки, Николай засыпает в тёрку, Савельевич крутит вал и трёт шишку, Валентин, работавший на ситах, фотографирует

набитой шишки, которую надо было перетереть, просеять через два сита, проветять, прокалить и вынести из тайги за двенадцать километров к берегу Маны.

Бригадир распределил роль каждого в обмолоте шишек: сам крутил вал тёрки, один из парней подносил мешки с шишкой и сыпал в приёмник, другой бросал совковой лопатой жванину на копытное сито, третий просеивал орех на чистовом сите, на подосланную полиэтиленовую плёнку падали орешки вместе с мелкой трухой.

Савельевичу не понравилось, что тёрка плохо мнёт шишку, в жванине остаются невымолоченные орешки. Ребята, придерживая боковины, выдернули гвозди с одной стороны и, немного опустив вместе с валом, прибили.

— Пробуйте! — сказал бригадир.

Парни быстро загрузили ведро шишки, Виталька несколько раз прокрутил вал, и вся шишка прошла через тёрку, регулировка оказалась удачной. Просеяв жванину через два сита, бригадир остался доволен:

— Смотрите, нет ни одного мятого ореха, и в жванине не остаётся, вымолачивается весь орешек! Учитесь, как надо делать настройку тёрки, в жизни может пригодиться!

Растёртая между зубьями корыта и вала шишка, получившая у таёжников название «жванина», просеивалась на копытном сите, на котором оставались только крупные фрагменты — сердцевина и пластины, орешки и остальная мелочь сыпались на полиэтиленовую плёнку.

Лопатой их бросали на чистовое сито, после просеивания на нём оставались орехи и мелкая труха, не провалившаяся через сито; их сгребали совками в мешки.

День ото дня морозы становились крепче, иней перестал таять, а следом выпал снег, укрывший тайгу белым покрывалом. У парней не было тёплой одежды. У Витальки на коленях лопнули брезентовые

штаны, он ходил с голыми коленями, ноги сильно мёрзли, и это увидел бригадир. Вечером он сказал: — Вы двое продолжаете тереть шишку, работы осталось на пару дней. Мы с Виталькой завтра пойдём в Хабайдак через Ангул, не дело по морозу с голыми коленями ходить, нужны продукты и тёплая одежда, заодно принесём ветрогон.

Виталий удивлялся, каким чутьём бригадир безошибочно находил тропу в снегу, толстым слоем лежавшем на мху и траве, на ветках кустов и деревьев.

Наконец тайга поредела, топа вывела путников на берег Маны, где увидели до половины вытасченную на берег и привязанную к дереву небольшую лодку-плоскодонку, сшитую из досок. Когда парень ступил в неё, лодка накренилась, угрожая зачерпнуть воду бортом. Чтобы не упасть в ледяную воду, он присел и, схватившись руками за борт, добрался до среднего сиденья.

Савельевич предупредил: — В лодку входи тихо, сохраняя равновесие. Только купания в ледяной воде нам не хватало!

Отвязав лодку, стоя на ногах, упираясь в дно шестом, направил её к противоположному берегу через бурный поток тёмной ледяной воды.

Привязав лодку, они вышли на единственную улицу брошенного людьми посёлка Ангул. Пройдя по просёлочным дорогам ещё четырнадцать километров, пришли в Хабайдак.

После многокилометрового перехода, холода, снега и грязи Виталию показался раем уют в доме крёстного отца: была протоплена печь, комнаты сияли чистотой. Ему стало стыдно за свою грязную заношенную одежду и давно не мытое тело.

Тётя Вера, крёстная мать, увидев таёжников, засуетилась:

— Я сейчас баньку истоплю!

— Не торопись, мать! Сегодня суббота, баньку затопи, сама знаешь, чем нас надо угостить, и одежду постирай, а мы с Виталькой в общую баню сходим, отпарим и отмоем таёжную грязь и новости узнаем!

В бане у мужиков на языке была одна тема: о тайге, урожае шишек, прогнозах на погоду. Они узнали, что в некоторых таёжках прошёл сильный ветер, оборвал шишки с ветвей, и добытчикам оставалось только собрать упавшую шишку, пока не растащили орешки в свои закрома на долгую зиму белки, бурундуки, кедровки и прочая живность тайги.

Парень в душе завидовал этим счастливицам: им пришлось весь сезон оббивать кедровые колоды, часто бить двойной тягой, серией ударов. Он усмехнулся: «Чего завидовать? Это уже история. Мы со своей задачей справились».

Их взволновало известие, что снег выпал не только в их тайге, снегом оказался покрыт весь хребет Кутурчинское Белогорье и примыкающие к нему сопки.

Когда вернулись в дом крёстного отца, стол был накрыт: стояли варёный картофель, квашеная капуста, солёные огурцы, на сковороде скворчали куски жареного сала, в тарелке лежали куски давно кончившегося в тайге ароматного хлеба. В середине стола стояла полулитровая банка с мутной жидкостью и специфическим запахом самогона. Савельевич налил тёплый самогон по половине стакана.

— Виталька, вы с Валентином молодцы, вовремя приехали, мы оббили всю хорошую тайгу в Ключках, набили много шишки, теперь надо её довести до ума, перетереть, просеять, провеять и прокалить. Понесёшь в тайгу ветрогон, с его помощью пустой орешек и мелкую примесь отведем от полновесного орешка, прокалим на кедровых дровах, и он пойдёт высшим сортом! Поднимай стакан, давай выпьем за успешное окончание нашей кампании по заготовке кедрового орешка!

Они сдвинули стаканы. Виталий ощутил тошнотворный вкус тёплого и мутного самогона, но заставил себя выпить. Он почувствовал, как по жилам оттаявшего и отмытого в парной бане тела растекается тепло, после пережитых в тайге приключений вонючий самогон казался райским напитком.

Поставив стакан, он спросил:

— А снег надолго выпал?

Хозяин пожал плечами:

— Может, на несколько дней, а может и до зимы пролежать, такое часто у нас в Саянах случается! В любом случае до холодов надо постараться переработать шишку и вынести из тайги! Главное мы сделали, набили сто шестьдесят мешков шишки, это сорок мешков чистого прокалённого ореха, по десять на брата! Столько мешков я с твоим отцом там же, в Ключках, только дважды добывал! — довольно потирая руки, сказал Савельевич, вновь наливая самогон в стаканы.

Собрав все мешки, закупив в поселковом магазине продукты, набрав в подполье картошки, таёжники закинули поклажу за спину, распрощавшись с гостеприимной хозяйкой, ранним утром вышли из тёплого уютного дома в холод и промозглую сырость поздней осени. У Витальки поверх рюкзака горбатился ветрогон — нетяжёлое, но громоздкое сооружение из фанеры в виде большого ящика.

Шли быстрым шагом, на лодке переправились через Ману и к обеду подошли к избушке, возле которой парни заканчивали тереть шишку на последнем бурте.

— Молодцы! Видно, что хорошо поработали. Заканчивайте тереть, мы с Виталькой установим ветрогон, надо провеять несколько мешков, завтра с утра начнём калить орех.

Забив между камней колья, закрепили на них ветрогон, подстелили под него прочную полиэтиленовую плёнку. Савельевич взялся за ручку и командовал:

— Засыпайте орех в приёмник.

Виталий высыпал ведро, раскрутив велосипедное колесо, бригадир приоткрыл заслонку, и парень увидел, как в струе воздуха полетели в сторону мелкая труха и орешки, а в привязанный мешок посыпалась струйка чистого ореха.

Виталька, впервые наблюдая за работой ветрогона, не мог понять, почему вместе с мусором летит в отвал часть ореха, а бригадир, видя это, продолжает быстро крутить колесо, и не удержался: — Савельевич, не слишком быстро ты крутишь? Много ореха уходит вместе с мусором.

Таёжник рассмеялся: — Ты попробуй расщёлкни эти орешки, сам догадаешься, быстро или нет я кручу!

Парень нагнулся, выбрал из мусора несколько орешков, раскусил и удивился: все они оказались пустыми. Улыбаясь, бригадир пояснил:

— В струе воздуха улетает вместе с мусором только лёгкий, пустой орех. Раньше мучились, расстилали брезенты, дождавшись хорошего ветра, бросали орех ему навстречу, там действительно много уходило в отход. Потом какая-то умная голова изобрела ветрогон — беда и выручка для таёжника! — А зачем орех надо провеивать? Пусть стоит в мешках с мелким мусором, — спросил Виталий.

— Нельзя, через неделю-другую сырой орех в мешке начнёт греться, потом прогоркнет, покроется плесенью, и его придётся выбросить. Думаю, что ты запомнил, как надо крутить колесо ветрогона, чтобы провеивать орех, не пуская хороший в отвал.

Увидев, как парень кивнул головой, сказал: — Завтра будешь работать у ветрогона, учить ребят!

Рядом с избушкой стояла длинная печь, сложенная из дикого камня, над камнями лежала обвязка из тонкомера, к которой была прибита мелкая сетка из прочной проволоки. Бригадир пояснил, что на ней будут калить провеянный орех.

Вокруг избушки стояли подсоченные кедры, на которых в предыдущие годы кольцами была снята кора, деревья высохли на корню. Парни валили и пилили их на чурки, кололи на поленья для каменной печи.

Утром их разбудила команда: — Подъём! Быстро умываться и завтракать, работы непочатый край! Виталька крутит ветрогон, орешки из мешков засыпает Валентин, мы с Николаем будем калить орехи!

Выйдя за дверь избушки, Виталий увидел, что в топке печи бушует пламя, и подумал, что крёстный ещё ночью развёл в ней огонь. Как только были провеяны два ведра, Николай рассыпал орех на сетку, Савельевич начал его разгонять приспособлением, очень похожим на швабру, укладывая ровным слоем. Продолжая крутить колесо ветрогона, парень видел, как он непрерывно перемешивал орех, который стал потеть, покрылся выступившей сквозь скорлупу влагой и начал громко стрелять. Выпариваемая влага

разрывала скорлупу с оглушительным треском, и бригадир мешал его все быстрее и быстрее.

Когда орех стал сухим и звонким, стал пробовать его на вкус, и быстро сгребать к бортику, где Николай собирал деревянным совком и сыпал в мешок, а бригадир вытирал рукавом вспотевший лоб.

На следующий день орех калил Николай, Виталий был у него в помощниках и учениках, скоро они работали, меняя друг друга. Виталька на себе почувствовал, какая это тяжёлая работа — гонять орех по сетке, не давая ему лопаться; особенно тяжело его было ворошить, когда он был мокрым. К вечеру, в последних отблесках солнечного света, спрятавшегося за вершину сопки, парни, валившиеся с ног, с облегчением услышали команду бригадира: — Заканчивайте! Пьём чай — и спать, на сегодня хватит! Завтра будем жечь костёр и работать до поздней ночи, время поджигает!

Таёжники пили вечерний чай у костра, когда на тропе, опираясь на палку, появился Василий Стойчик. Присев на чурку, поздоровавшись, гость спросил:

— Давно не слышу стука вашего колота, пришёл узнать, не освободилась ли тёрка.

— Ну и нюх у тебя — как у охотничьей собаки. Вчера последний мешок шишки перетёрли, можешь тёрку забирать, вон стоит в кóзлах! — рассмеялся бригадир.

Осмотрев громоздкую тёрку, гость удивился: — Совсем новая! Ты говорил, что у тебя лёгкая на подшипниках!

Савельевич усмехнулся: — Ходили мы с Николаем, обыскали тайгу кругом, но тёрку не нашли! Эту с парнями здесь за день сделали! Грешу на сына твоего, Ивана, он видел, куда я понёс тёрку прятать. Не зная, где она спрятана, никто не смог бы её унести!

— Этот негодяй всё может! Только и думает, как людям напакостить, ничего святого у него нет! Удивляюсь: в кого такой пакостник уродился?

Савельевич рассмеялся: — Наверное, в соседа! Бери эту, другой у нас нет! Гость обрадовался:

— Слава Богу, что эту тёрку сделали, без неё пришлось бы мне всю добытую шишку таскать на гору к берегу Маны или оставлять в тайге до весны.

Савельевич обговорил, у какого ключа гость должен спрятать тёрку, ребята подняли и помогли закрепить на сгорбленной спине старика тяжёлую тёрку.

Просунув руки в лямки, он поблагодарил: — Спасибо на добром слове, дай вам Бог здоровья и удачи!

Прошли десятилетия, но Виталий помнит, как старый хромой таёжник сгорбился ещё больше от тяжёлой тёрки, матеря своего сына на чём свет стоит, опираясь на палку, по тропе уходил от избушки в уже тёмную, заваленную снегом тайгу.

Повернувшись, спросил:
— Бригадир, а тёрка не пропадёт?
— Нет! Василий никогда чужого не возьмёт и своим всегда поделится, в отличие от сына! Мой сын Митька рассказывал, как в начале зимы добывал пушнину, белку и соболя, по левому берегу Маны в этих местах. Неожиданно выпал глубокий снег, и собака стала тонуть и отказывалась работать. Вышел он к Мане, видит, лодка на якоре посередине стоит, с неё рыбачит Стойчик Иван. Попросил его перевезти на правый берег, но тот наотрез отказал.
— Как же Дмитрий перебрался через реку? — удивился Валентин.

— Разделся, узел с вещами, пушниной и ружьё поднял над головой и перебрёл на правый берег!
— Но так простыть недолго!
— А что ему оставалось делать? Идти через железнодорожный мост, как мы заходили, — лишних двадцать километров по пояс в снегу, а через Ману от Ангула — четырнадцать километров до дома.
— И не заболел?! — удивился Валентин.
— В Ангуле попросился в избу, обсох и пошёл домой. Он у меня настоящий охотник, зимой спал в тайге у костра!

«Действительно, жлоб этот Стойчик Иван, таких раньше в тайге без суда убивали!» — с отвращением подумал Виталка, не зная, что судьба позднее, через много лет, сведёт его с этим сквалыгой.

Зима не хотела отступать, каждый день снег кружился и падал, окрепли морозы. Таёжники оказались в объятиях зимы, ночью от холода их спасала старая, прогоревшая во многих местах печка, которую топили непрерывно.

Утром, после завтрака, насыпав пару вёдер калёного ореха в загорбный мешок, бригадир сказал Николаю:

— Пойдёшь через Ангул в Хабайдак, Ману переплывёшь на лодке. Найдёшь бригадира Терентьева, передашь подарок, напомним о договоре дать нам на неделю пару лошадей с сёдлами и три десятка пустых мешков, быстро вернёшься через Ангул, здесь наполовину путь короче. Лошадей к лодке привяжешь вожжами, перегонишь через Ману и привяжешь на левом берегу у тропы. Не вздумай задержаться, у нас нет свободных мешков, прокалённый орех некуда сыпать. Привезёшь ведро картошки, банок десять говяжьей тушёнки, рожков, гречки, сала пару кусков, хлеба булок десять, сахара килограмма два.

Обращаясь к парням, сказал:
— Поели, чаю напились — пора за работу. Одна беда — мало мешков, скоро прокалённый орех сыпать некуда.

Немного подумав, Виталий с Валентином достали из-под нар свёрток полиэтиленовой плёнки, которую перед походом вынесли с завода «Красмаш», расстелили на мху, ссыпали из мешков

На таёжном стане среди заснеженной тайги Николай с Виталием провеивают орех на ветрогоне. Савельевич, стоя у сложенной из камня печи, прокаливает и ссыпает калёный орешек в мешки

остывший орех, прикрыли крышей из плёнки, растянув её на вбитых в землю рогатинах и поперечинах. Увидев их сооружение, бригадир пришёл в восторг, и работа на таёжном стане закипела. Чтобы не донимал холод, развели рядом костёр, который не только грел, но и светил, когда продолжали работу в ранних осенних сумерках.

К обеду третьего дня приехал в седле Николай, привёл в поводу ещё одну лошадь, привёз продукты и два мешка, набитые тарой.

— Пусть кони отдохнут после перехода, нам надо сегодня провеять и прокалить оставшийся орех, лошадей через неделю надо будет вернуть.

До полуночи на стане горел костёр, светил и грел таёжников, которые, работая без передыха, к полуночи успели провеять и прокалить весь намолоченный орех.

В изнурительной и однообразной работе среди выпавшего снега парни потеряли счёт дням, их радовало, что орех провеяли и прокалили, теперь, чтобы выйти из тайги, добычу надо было вынести до Ангула.

Утром после завтрака бригадир спросил:
— Кто из вас может шестом управлять лодкой?
Отозвался Николай:
— Я переплывал через Ману, едва не опрокинул лодку и не утонул!

Неожиданно Виталка вспомнил, как с братом Сергеем два дня плавал на небольшой лодке:
— Подростком плавал на лодке с шестом по протоке реки Мины.

— Если один раз плавал, сумеешь не утонуть сам и не утопить орех!

Парень смотрел на Савельевича, не понимая, к чему тот клонит.

— Будешь мешки и рюкзаки с орехом переплавлять через Ману к Ангулу, помогать разгружать лошадей, носить и ставить на полати.

— Но это было давно, я по самой реке не плывал... — засомневался парень.

— Научись! — оборвал его бригадир. — Сегодня с Валентином вставляете в рюкзаки мешки, рассыпаете в них мешок ореха и несёте к берегу Маны. Мы с Николаем поведём навьюченных лошадей, иначе нельзя: стоит сучку чиркнуть по мешку — весь орех уйдёт в снег!

Николай с отцом навьючили на каждую лошадь по два с половиной мешка ореха и повели в поводу. Валентин с Виталием, вставив в рюкзаки пустые мешки, рассыпали пополам мешок калёного ореха, весом пятьдесят пять килограммов, и несли двенадцать километров до берега Маны следом за небольшим караваном через засыпанную снегом тайгу.

На берегу сняли с одной лошади полтора мешка, в седло сел бригадир, дёрнул уздечку и направил лошадь в бурные воды Маны, к противоположному берегу, на котором стояли дома почти безлюдного посёлка Ангул, где раньше проживали лесорубы. Вторая лошадь с подобранной уздечкой и навьюченными мешками с орехом шла следом.

Снятые мешки с орехом и принесённые рюкзаки парни погрузили в лодку, Николай с Валентином ушли в избушку, а Виталий, столкнув лодку с берега, сел в неё.

Балансируя на ногах, каждую минуту рискуя потерять равновесие и упасть в ледяную воду, отталкиваясь от дна шестом, на вёрткой лодке, готовой каждую секунду зачерпнуть бортом воду или опрокинуться, переплавил добычу через Ману. Перенёс груз, вдвоём с бригадиром сняли с лошадей и поставили мешки с орехом в сарае на полати, чтобы до них не могли добраться мыши. Окончив разгрузку, спустился на берег Маны, на шесте перегнал лодку к левому берегу, вытащил на берег и надёжно привязал к дереву. Когда подъехал бригадир, он в первый раз в жизни сел в седло свободной лошади и поехал к избушке следом за лошадей Савельевича, пытаясь уютнее устроиться в жёстком седле. Но это ему мало удавалось,

вечером он с трудом мог сидеть и ходить, болели ягодичы. Никому не жалуясь, боясь, что над ним будут смеяться, ежедневно с Валентином нёс полмешка ореха к Мане, обратно, привстав на стременах, ехал в опостылевшем седле, морщась от боли.

Когда под навесом избушки остались последние десять мешков провееванного и прокалённого ореха, бригадир сказал Николаю:

— Завтра через мост пойдёшь в посёлок за машиной, скажешь Потылицину Владимиру, чтобы через три дня прислал машину в Ангул за орехом, я с ним договорился, он твёрдо обещал.

В последний день Валентин с Виталькой, рассыпав по рюкзакам мешок ореха, утопая по колено в выпавшем за ночь снегу, вели в поводу навьюченную мешками лошадь. Переплавив в лодке Валентина, рюкзаки и мешки с орехом, Виталий помог разгрузить лодку, перегнал её на левый берег, вытащил на отмель и надёжно привязал к дереву. Савельевич перевёл для него в поводу свободную лошадь. Виталька, вставив ногу в стремя, сел в седло и тронул коня уздечкой.

— Ты прямо как заправский казак! — удивился Савельевич.

— Ты прав, по линии матери я из казачьего рода. Дед, Родион Ефимович, живёт в Мине, казак Забайкальского казачьего круга, я его потомок! — гордо ответил Виталька, боясь поморщиться от боли, стараясь усидеть в жёстком седле.

Пока конь нёс его на противоположный берег, парень прощальным взглядом смотрел на Ману, катившую свинцовые воды среди заснеженных берегов, на засыпанную снегом тайгу, покрывавшую громаздящиеся по берегам горы; к радости возвращения примешивалась грусть расставания с таёжной жизнью.

В этот же день на грузовой площадке лесовоза маз, натянув на мешки брезент, чтобы уберечь от кусков грязи, летевших из-под колёс, привезли добычу во двор дома Савельевича. Рассчитавшись орехом с водителем, бригадир спросил:

— Что собираетесь делать с добычей?

Последний караван уходит из зимней тайги. Автор ведёт в поводу вторую лошадь с грузом добытого своими руками таёжного орешка

— Мы думали сдать в заготконтору «Бурундук», там принимают калёный орех по рублю пятьдесят копеек за килограмм! За сданный орех получим по семьсот пятьдесят рублей — приличные деньги! На двери магазина висит объявление, — ответил Валентин.

— Сразу видно — молодые, зелёные, нет у вас жилки житейской! — рассмеялся Савельевич.

— А что нам остаётся делать? Не будем же мы в Красноярске стоять и торговать стаканами? Мать с отцом уже старые. Возьмём по мешку на щелканку, остальное сдадим! — подтвердил Виталька.

— Вы твёрдо решили сдавать орех?

— Конечно! Куда нам его девать? — поддержал приятеля Валентин.

— Тогда я его у вас покупаю. Отберите и подпишите мешки для себя, приедет на машине сын Дмитрий, работает с вами на одном заводе, «Красмаше», водителем, увезёт в Красноярск и развезёт по адресам. А теперь быстро в баньку, Вера Фёдоровна нам истопила и самогонки выгнала, отпразднуем конец сезона добычи кедрового ореха!

Когда они сидели, распаренные и довольные жизнью, за накрытым столом, поднимая стаканы с самогоном, закусывая солёным салом, квашеной капустой и жаренной в свином сале картошкой, горкой лежавшей на большой чугунной сковороде, Валентин спросил:

— Николай Савельевич, а что ты будешь делать с нашими мешками ореха?

Тот довольно рассмеялся:

— Были ваши, стали наши! Отправлю в Красноярск, Митька договорится с барыгами на базарах,

продаст им в два раза дороже, чем принимает «Бурундук». Надо как-то выживать нам с Верой на маленькие государственные пенсии. Считайте, что вы нам хорошо помогли. Приезжайте ещё на добычу кедрового ореха, с удовольствием возьму в бригаду, за полтора месяца научились, заматерели в тайге!

Парни переглянулись и рассмеялись.

— Думаем, нам этой таёжной романтики года на четыре хватит! — признался Виталий.

Крёстный отец оживился:

— Как раз через четыре года в нашей тайге будет хороший урожай кедровой шишки! Милости прошу, приезжайте! Давайте выпьем за новую встречу!

Р. С. Через год Виталий с друзьями, Валентином и Юрием, без карты пройдя по таёжным тропам более сотни километров по дикой тайге, рискуя заблудиться и погибнуть, побывали на заброшенном прииске Юльевский, дошли до Верхнего Манского озера, из которого вытекает красавица Мана. Поднявшись на вершину горы Сивуха высотой около двух километров, осмотрели разбившийся о её вершину двухмоторный самолёт. Вернувшись после многих смертельно опасных приключений, навестили Николая Савельевича и были встречены как дорогие гости, но сходить с ним в тайгу на добычу кедрового орешка не смогли.

На фотографиях Морозова Валентина, не попавшего в кадр, — автор Виталий Пшеничников, бригадир Николай Савельевич Ковалёв, его сын Николай.